

предстоит еще немало дискутировать по вопросам наличия, отсутствия или своеобразия тех или иных ренессансных проявлений в литературах восточноевропейских. Тем не менее, по нашим представлениям, у восточноевропейских народов по сравнению с западноевропейскими развивались не тождественные, но типологически подобные процессы литературных видоизменений.

Если говорить о литературах славянских, то и они, подобно всем европейским литературам, опирались на более или менее однотипную традицию литературного средневековья с тем, однако, отличием, что феодальная направленность этой традиции, в особенности церковно-феодальная, здесь проявилась значительно сильнее и длительнее, чем направленность «бюргерская» (или «посадская»). Отсюда, в частности, в этих литературах оказалась более устойчивой зависимость творчества писателя от авторитета жанровых традиций. В славянских литературах, главным образом в восточно- и южнославянских, перестройка жанров была одной из основных особенностей литературного процесса переходного периода. Удельный вес этого явления был здесь более значительным, чем в литературах западноевропейских. Происходило это потому, что по ряду исторических причин славянские литературы в средние века не успели приобрести разветвленной социальной и жанровой дифференциации и труднее освобождались от своих старых внелитературных общественно-идеологических функций.

Эти предположения могут быть подтверждены наблюдениями над преобразованием в переходный период двух очень значительных и ясно очерченных традиционных жанров христианского средневековья: это агиография (жития святых монашеские и княжеские) и хронография (летописи и хроники).

Общераспространенная в феодальной Европе агиография в переходный период начала постепенно утрачивать свое бывшее религиозно-литературное значение (оставаясь, впрочем, материалом для «душеполезного» чтения) и претерпевать сложный процесс превращения в религиозно-полюемическую, а затем даже и в поучительно-просветительную автобиографию. В католическом мире эволюция житийной биографии святого привела к результату, показавшемуся современникам, вероятно, неожиданно дерзким: она превратилась в религиозную автобиографию — «Житие» Терезы Испанской (XVI в.). В польской литературе в расцвете ее ренессансного «золотого века» (XVI в.) возникают светские автобиографические воспоминания, проникнутые, однако, поучительными тенденциями. Н. Рей пишет по-польски и реальную автобиографию и аллегорически-нравоучительную поэму «Автопортрет добропорядочного человека», связанную с традицией загробных путешествий и, может быть, даже с творением Данте. Автобиографические тенденции в польской литературе поддерживаются особенно успешно в XVII в.: особо должны быть отмечены воспоминания Яна Паска, рисующие на фоне истории собственной жизни автора быт и нравы шляхты и отличающиеся широким использованием разговорного языка. Подобного же характера поучительная мемуаристика развивается на Украине и в Белоруссии (XVII—XVIII вв.), начиная от белорусского автобиографического-публицистического «Диариуша» Афанасия Филипповича, еще тесно связанного с религиозно-национальной литературной традицией и уснащающего свое повествование агиографическими «чудесными видениями».

В древнерусской литературе бурный процесс ломки и преобразования агиографического жанра происходит в XVII в. Он связывается с попытками видоизменения этой традиции в поучительно-бытовую повесть («Житие Юлиании Лазаревской»). Так же как в польской и украинской литературах, на Руси намечаются первые тенденции создания автобиографий светского характера (записки Шаховского, Хворостинина, Ордина-Нащокина). Еще продолжают поздние попытки создания биографических житий известных современников, как деятелей религиозных (раскольничьи